

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

СЕРДЦА

Кирилл Казанцев

Последний удар сердца

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11307345

Последний удар сердца / Кирилл Казанцев: Э; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81973-7

Аннотация

Чемпион Европы по биатлону Илья Пудовкин отомстил убийцам своей жены и получил девять лет колонии строгого режима. Через полгода после оглашения приговора его посетил высокий чин из Федеральной службы исполнения наказаний. Он поставил Илью перед выбором: работать на него в качестве киллера или умереть в тюрьме позорной смертью. Илья выбрал жизнь. Вскоре «работа» превратилась в рутину. Илья убивал снова и снова и уже почти смирился с ролью душегуба... Но однажды все изменилось. Илья получил заказ на устранение Натальи Обуховой – своей первой школьной любви – и будто очнулся. Илья не убил ее, он вышел из-под контроля и вместе с Обуховой выступил против высокопоставленного заказчика...

Содержание

1	5
2	14
3	24
4	36
5	45
6	55
7	68
8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кирилл Казанцев

Последний удар сердца

© Казанцев К., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*** * ***

1

Быть адвокатом всегда почетно и безопасно. Даже отможенные уголовники свято чтут правило, что покушаться на лепил (врачей), адвокатов и лабухов (музыкантов) абсолютно бездуховно. А уж если адвокат – молодая, умная, красивая женщина, то ей почет и уважение повсюду. Что в зале суда, что в СИЗО. Вот разве со следователями отношения сложатся натянутыми. Ведь обязанность хорошего адвоката – разбивать в пух и прах собранные следствием доказательства.

Тридцатилетняя Наталья Обухова слыла вполне успешным адвокатом. Ей удавалось выигрывать даже казавшиеся безнадежными процессы. Все следователи знали, что пытаться договориться с ней дело неблагодарное. Встретишься, поговоришь, а потом все сказанное тобой будет использовано против тебя самого и на благо подзащитного.

Именно это обстоятельство и заставило Наталью Обухову удивиться, когда ей позвонил пожилой следователь Никитин и попросил о встрече. К тому же просил встретиться на нейтральной территории – в парке. Ни по одному из текущих дел она с ним не пересекалась. В любом другом случае Наталья отказалась бы, но опытный следак Никитин в ее бытность студенткой юрфака вел у них курс практической криминалистики, и будущий адвокат являлась его любимой

ученицей...

Вечерний парк на окраине Москвы таинственно шелестел листвою. Аллейки тускло освещались редкими фонарями. За деревьями то и дело слышалось шуршание протекторов шин по дороге. Пожилой благообразный следователь первым делом предложил Наталье взять его под локоть, второй рукой он прижимал к боку кожаную папку. Сперва прозвучали несколько дежурных и ожидаемо вежливых вопросов. Мол, как успехи, здоровье, дела в семье? Единственное, чем Наталья не могла похвастаться, так это делами семейными: с мужем разошлась год назад, детьми так и не обзавелись.

– А у вас как обстоят дела? – поинтересовалась адвокат.

– По-стариковски, – улыбнулся Никитин. – Не хотелось бы разглагольствованиями о болезнях и неудачах на службе отнимать ваше драгоценное время. К тому же, говорят, оно у вас в самом деле дорого стоит.

– На гонорары не жалуюсь.

– Тогда перейду к сути вопроса. Помните прошлогоднее дело врача тюремной больницы, по которому вы выступали защитником? – Старый следователь прищурился, остановился, взглянул на свою бывшую студентку из-под очков.

– Странный был процесс, – призналась Наталья. – Потому и запомнился.

– Но вы его, несмотря ни на что, выиграли. Добились того, чего хотели, – напомнил Никитин. – Во время следствия мы словно поменялись ролями. Впрочем, то же самое случи-

лось и на самом процессе. Гособвинитель на материале следствия, проведенного мной, справедливо пытался доказать, что ваш подзащитный был лишь мелким исполнителем чужой воли, а вы гнули свою линию, утверждали, что он действовал в одиночку. В результате чего врач тюремной больницы получил большой срок по серьезной статье за незаконный оборот наркосодержащих веществ. А если говорить проще, то он успешно распространял кокаин среди своих татуированных пациентов.

– Адвокат тоже человек подневольный, – мягко улыбнулась Наталья. – Желание клиента для меня превыше всего. Возможно, принимая всю вину на себя, человек спасал собственную жизнь, жизнь близких. Он платил мне за то, чтобы его признали виновным по конкретной статье. И я оправдала его надежды.

– Несмотря на то что следствие официально было завершено, а приговор вступил в законную силу, я продолжал копать по собственной инициативе. Ниточки-то у меня оставались в руках. Собранные мной материалы и доказательства неоспоримы. В торговле кокаином в местах заключения замешаны не только уголовные авторитеты, но и высокопоставленные чины из Федеральной службы исполнения наказаний. Они действуют рука об руку. Это их совместный бизнес, где крутятся миллионы. А вот вашему подзащитному не повезло. Два дня назад его нашли повешенным в медчасти зоны, где он отбывал наказание. Так что, даже взяв всю

вину на себя, заплатив большой гонорар хорошему адвокату, свою жизнь ему спасти не удалось. Слишком много знал.

– Зачем вы это рассказываете? Хотите спросить, не станут ли мне теперь сниться кошмары? Будут сниться, это профессиональное. От этого не уйдешь. Жаль человека.

– Вы, Наталья, не так меня поняли. Я трезво смотрю на реалии российской жизни. Нового уголовного дела, несмотря на всю очевидность собранных мной доказательств, не будет. Его не позволят возбудить. Я сам не знаю, что мне теперь делать.

– Хотите услышать от меня совет? – пожала плечами Наталья. – Я его не могу дать. Попросту не знаю, что и сказать.

– В мою квартиру во время моего отсутствия дважды забирались неизвестные. Свое проникновение тщательно маскировали. Не украли ничего. Вскрывали и мой служебный сейф. Они искали вот это, – Никитин похлопал ладонью по кожаной папке. – Здесь копии всего, что мне удалось собрать. Я устал носить их с собой. Оригиналы спрятаны в надежном месте, но о нем знаю только я. Возьмите на хранение. Вы – адвокат, никто и не подумает искать их у вас.

– Я не хочу этого делать, – даже не подумав, руководствуясь исключительно женским чутьем, произнесла Наталья.

– Я старый человек, со мной может всякое случиться. В любой момент, – настаивал следователь.

– Извините, но при всем к вам уважении... – Обухова растерянно замолчала.

– Так я и знал, – вздохнул Никитин. – Но обиды не держу. Извините, что отнял время. Не будем больше об этом. Давайте я вас провожу.

Пожилой следователь и его спутница направились к выходу из парка. У ступенек, спускающихся к улице, Наталья остановилась.

– Дальше я сама. Вам же в другую сторону.

– Рад был увидеть вас, – Никитин подал ей на прощание руку, так, как сделал бы это, будь на месте Обуховой мужчина, и грустно улыбнулся: – Я не в обиде.

Наталья немного задержала его ладонь.

– Я передумала. Можете доверить мне папку.

– Нет-нет, теперь уже я передумал. Зачем вам рисковать? – сказал Никитин и проворно для своего возраста сбегал по лестнице к «зебре» пешеходного перехода.

Обухова осталась стоять на ступеньках в тени деревьев. Подъезжавшая машина сбросила скорость, пропуская следователя. Но, стоило ему ступить на переход, как двигатель взвыл. Автомобиль рванул вперед. Никитина буквально подбросило в воздух. Мелькнула высоко взлетевшая папка. Мелькнула и шлепнулась за кусты.

Следователь рухнул на дорогу. Раздался холодящий душу звук удара черепа об асфальт, хрустнули кости. По телу пробежали судороги, и Никитин замер. Наталья чуть было не закричала. Водитель торопливо бросился к сбитому им пешеходу, принялся его обыскивать. Ни малейшего намека на то,

что он хочет ему помочь или хотя бы проверяет, жив ли, и в помине не наблюдалось.

Наталья неотрывно смотрела на лежавшую у кустов папку.

Убийца осмотрелся, пошел вдоль бордюра, вглядываясь в темноту. Когда он оказался к Обуховой спиной, молодая женщина, обмирая от страха, спустилась по откосу, схватила папку и тут же присела за кустами. Сделала она это вовремя: убийца обернулся, настороженно прислушался и пошел обратно.

Сердце бешено колотилось в груди. Наталье казалось, что его стук ударами метронома разносится по притихшему окраинному району. Когда от мужчины ее отделяла пара метров, когда сквозь листву она уже видела блеск его глаз, Обухова не выдержала напряжения. Она вскочила и стала взбираться по крутому откосу. Ноги оскальзывались, папка норовила выпасть из руки. Убийца затрещал кустами, бросился следом. На самом верху откоса он успел схватить убежавшую женщину за ногу. Наталья вырвалась, но упала. В отчаянной попытке спасти свою жизнь она ударила выбиравшегося на ровную площадку мужчину ногой в лицо. Каблук угодил в глаз. Убийца взвыл, опрокинулся и, кувыркаясь, покатился вниз.

Наталья вскочила и побежала по аллейке. Подкованные металлом каблучки тревожно выбивали звенящую дробь. Лишь пробежав метров сто, Обухова сообразила, что удирать по освещенной, вымощенной бетонной плиткой аллей-

ке – форменное самоубийство, и тут же свернула под деревья на мягкую землю. Преследователь уже появился со стороны ступенек, ведущих к улице. Он прихрамывал, постанывал, держась за глаз. А затем тяжело побежал. Внезапно остановился, прислушался, вглядываясь здоровым глазом в темноту парка. Заметив движение, он двинулся в правильном направлении – прямо на Наталью. Визгнув, она понеслась по траве, петляя между деревьями.

Шуршала под ногами сухая прошлогодняя листва. Впереди мелькали редкие фонари. За спиной слышалось хриплое дыхание преследователя.

– Брось, дура, папку! Не трону!

Возможно, и отвязался бы, но вряд ли. Убийцы не любят оставлять свидетелей в живых. Наталья выбежала к площадке с детскими аттракционами. В полумраке, чуть рассеянном тусклым прожектором на столбе, застыли карусели, батуты, надувной замок с горкой, шатер летнего кафе с большими прозрачными окнами из толстой пленки.

Наталья присела, спрятавшись за ним. Убийца метался по площадке, заглядывал в люльки каруселей, под батуты. Он приближался. Стоило ему обойти кафе, и он обнаружил бы свою очередную жертву.

«Все, мне конец», – подумала Обухова.

Шаги, дыхание становились все ближе, все отчетливее проступали в шуме ночного парка. И тут Наталья заметила разошедшуюся толстую застежку-молнию, скреплявшую

прорезиненные части обшивки шатра. Она проскользнула внутрь и осторожно опустила бегунок, закрывая лаз. Тут же распласталась на полу. Убийца подергал запертую на навесной замок дверь и прошел совсем рядом с Натальей. По противоположной стороне шатра проскользнула его огромная тень.

Лишь на рассвете Обухова решилась покинуть свое убежище...

Наталья сидела у себя дома на кухне. Случившееся в ночном парке при свете дня казалось дурным сном. Но папка, лежавшая на столе рядом с чашкой дымящегося кофе, напоминала, что все произошло наяву. Адвокат нерешительно придвинула ее к себе, расстегнула застёжку. Внутри оказался увесистый бумажный конверт, в каких пересылают по почте книги. На желтой глянцевої поверхности размашисто рукой Никитина было выведено синим маркером: «Вскрыть в случае моей смерти», внизу стояла подпись.

– Случай настал, – беззвучно, одними губами произнесла молодая женщина.

Липкий клапан, заклеенный для надежности еще и скотчем, пришлось срезать кухонными ножницами. Кроме копий допросов, банковских распечаток, ксероксов накладных, фотографий, материалов наружного наблюдения, в конверте имелось и пояснение, составленное самим Никитиным. На двух страничках убористым почерком он изложил то, как ему виделась преступная схема. Здесь фигуриро-

вали и большие чины из ФСИН, и уголовные авторитеты, и частные фирмы, занимающиеся поставкой медикаментов для нужд тюремных медицинских учреждений.

Наташа читала фамилии фигурантов шепотом, словно боялась, что и стены могут услышать:

– Николай Шпаликов, погоняло Шпала... Равиль Мухамедшин, погоняло Муха... Юрий Петрович Сиваков, генерал внутренней службы Федеральной службы исполнения наказаний...

Коля Шпала долго искал по карманам ключи от своей квартиры. Золотая зажигалка «Гуччи», две стодолларовые фишки из казино, бумажник с монограммой, сигареты, мобильник... Ключи запутались в подкладке пиджака, и нетрезвому Коляну пришлось долго возиться, чтобы извлечь их из кармана.

С трудом сфокусировал зрение, чтобы замочная скважина не двоилась в глазах. Со второй попытки попал в нее ключом. Однако повернуть ключ так и не успел: между его лопатками уперлось нечто твердое. Шпала инстинктивно дернулся, попытался обернуться, однако кто-то сильно схватил его за правое плечо:

– Не оглядывайся. Смотри перед собой. Открывай дверь, – прозвучал над самым ухом с металлическими нотками баритон.

Неизвестный говорил на удивление ровно. Коля сперва было подумал, что он уже где-то слышал этот голос, и вновь попытался обернуться, однако в его висок тут же уперся торец длинного пистолетного глушителя, пахнущего оружейным маслом.

– Очень аккуратно открываешь дверь... – свистящим полупшепотом повторил незнакомец. – И заходишь. Только без глупостей.

При виде глушителя Шпала окончательно понял, что неизвестный не шутит. Хмель словно рукой сняло. Ситуация, однако, выглядела непостижимой для Колиного понимания. Элитный дом в центре Москвы, где он жил уже третий год, охранялся так же серьезно, как и офис «Трастсанбанка», в котором Колян Шпала числился в совете директоров: камеры наружного наблюдения по всему периметру здания, датчики взрывчатки в подъезде, охранники во дворе, консьерж у входа. Гостей приглашали к лифту только после телефонного звонка хозяину квартиры. Злоумышленник ни за что не мог бы незамеченным проникнуть в подъезд. Тем не менее незнакомец с силой вжимал в спину Шпалы пистолет с глушителем.

– Заходишь очень спокойно, без лишних движений, – на удивление ровно произнес неизвестный. – Дернешься – тут же стреляю.

Делать было нечего: пришлось подчиниться. Коля вынул ключ из двери, деревянной рукой сунул его в карман. Неизвестный вошел следом, неслышно закрыв за собой дверь.

– Свет включи, – прозвучала очередная команда.

Коля судорожно нащупал широкую клавишу управления реле рубильника. Вспыхнул свет во всех трех комнатах и на кухне. Огромное зеркало в прихожей отразило лицо хозяина: коротко стриженная шишковатая голова, толстая шея, глубоко посаженные глаза, окруженные сетью мелких морщин... На лице этом, словно на листе фотографической

бумаги, проявлялась целая гамма чувств: обескураженность, растерянность, испуг... А вот неизвестный теперь держался чуть поодаль – так, чтобы хозяин не смог рассмотреть его лица даже отраженным в зеркале. Несомненно, это был настоящий профессионал.

– Если ты хату мою бомбануть вздумал, то я тут лавье не держу, – наконец вымолвил Шпала. – Две штуки баксерей если наберется – и то хорошо. В кабинете возьми, в выдвижном ящике, и выметайся.

– Мне твои личные деньги без надобности. Свои имеются, не бедствую, – молвил незнакомец, продолжая удерживать хозяина квартиры на прицеле. – Базар к тебе небольшой есть. Ответишь – жив останешься. Садись!

– Лучше уж присесть, – по старой уголовной привычке поправил хозяин квартиры.

– И то верно.

Коля плюхнулся на кожаный диван и, с трудом удерживая дрожь в руках, буркнул негромко:

– Ну?

Неизвестный зашел за спинку дивана, небрежно бросил на колени Шпалы небольшой кейс.

– Открывай.

Коля послушно щелкнул замочками – внутри кейса оказалась прозрачная плексигласовая папка с какими-то банковскими документами.

– Просмотри очень внимательно... – посоветовал неиз-

вестный. – И ответь мне только на один вопрос.

Бумаги оказались рутинными финансовыми документами: платежные поручения из банка, копии счетов, счета-фактуры с таможни...

– Я вообще в этом не очень разбираюсь, – признался Шпала и, чувствуя себя неуютно, поежился. – В «Трастсанбанке» я типа за контролера... Ну, «смотрящий». Бумаженциями занимаются люди, специально обученные. Если ты сумел эти бумажки получить, то и насчет остального, думаю, в курсах. Тут с начальника отдела спрашивать надо и с экономистов, а я не при делах. Не по адресу пришел.

– Ты, Шпала, дурака не включай, – посоветовал незнакомец. – Ты знаешь, что это за бумаги. Месяц назад через ваш «Трастсанбанк» прошел очень большой платеж за лекарственные препараты, предназначенные для Главного управления исполнения наказаний. Предоплатой в сто процентов, как это всегда и делалось. Поставкой занималась фирма «Гиппократ-М». Получатель – унитарная фирма Федеральной службы исполнения наказаний, связанная с их медицинской службой. Вертухайская контора бабло по предоплате перевела, как и договаривались. Лекарства же ими до сих пор не получены. «Гиппократ-М», который должен был эти лекарства поставить, неожиданно самоликвидировался неделю назад, деньги со счетов сняты вчистую. Слушай дальше. «Гиппократ-М» был оформлен на некую Екатерину Викторовну Шпаликову, 1978 года рождения, твою

родную сестру. Гражданка Шпаликова исчезла вместе с реквизитами фирмы и всем лавьем. Что тебе об этом известно?

Услышав имя родной сестры, Коля аж скривился от негодования.

– Да ничего мне о ней не известно! Ни-че-го! Наверное, сбежала она вместе с кэшем и всем остальным! Ищем ее уже неделю... Нигде нету! Нигде! Телефон не отвечает, на электронную почту не реагирует!

– Неужели родную сестру найти не можешь? – вкрадчиво проговорил незнакомец. – Вы что – враги?

– Да лучше бы моя Катька и вовсе на белый свет не появилась! – посетовал Шпала. – Она же вообще, в натуре, курица, и мозгов у нее – как у канарейки на хер намазано! Говорили мне умные люди: не надо бабу на такую хлебную должность брать, хоть даже и родную сестру... Не послушался.

– Что тебе вообще о ней известно? Друзья, подруги, увлечения, любимые места отдыха... Мужчины, пристрастия, странности, слабости, хобби... Кто и как ее ищет? Какие у вас результаты? Ну, быстро!

Пока неизвестный сыпал вопросами, Коля Шпала лихо-радочно осматривал собственную комнату. Огромный аквариум с золотой подсветкой и миниатюрными мраморными античными руинами на дне, домашний кинотеатр, низкая стильная мебель, эстампы на стенах. Взгляд его упал на огромную хрустальную вазу на журнальном столе...

Коля с непостижимой ловкостью скатился с дивана и,

схватив вазу обеими руками, со всей силы метнул ее в голову мужчине. Тот, однако, успел увернуться – ваза попала ему в плечо, сбив с ног. Незванный гость завалился спиной на угол низкого журнального столика, опрокинув его набок. Однако за мгновение до этого сухо треснул выстрел, смягченный глушителем; Шпала схватился за плечо. Но нашел в себе силы метнуться в кабинет и захлопнуть за собой дверь, щелкнув замком.

Неизвестный в мгновение ока поднялся на ноги, подскочил к двери и прострелил замок. Держа пистолет наперевес, осторожно толкнул дверь ногой, резко выставил оружие вперед, готовый мгновенно выстрелить при малейшей попытке к сопротивлению...

Николай Опаликов сидел на полу, прижимая к плечу ладонь. Алая кровь густо сочилась между пальцами, натекая на белоснежную рубашку, капала на причудливый узор туркменского ковра. Даже в неярком электрическом освещении кабинета было заметно, что Опала постепенно покрывается гипсовой бледностью.

Толстый нарост пистолетного глушителя недвусмысленно уперся хозяину в лоб.

– Значит, все-таки знаешь, где твоя Катька может быть? Если сбежать решил...

– Да не знаю я, в натуре, не знаю... – прохрипел Колян, мучительно пытаясь припомнить, где раньше видел это лицо, но мысли путались.

– А может, ты с ней заодно, ну?

– Ты кто вообще и от кого? Если от генерала Юрки Си-вакова, так скажи, что это мой конкретный косяк, признаю, и бабло, которое моя Катька украла, верну за три месяца. Мне есть чем перед ним ответить. А если от Мухи – то мы с ним сами разберемся.

– Да не нужно мне твое бабло, – спокойно проговорил визитер с пистолетом. – Мне интересно, что ты вообще о своей Катьке знаешь и как ее ищут.

– Не больше твоего, клянусь... – на губах Коли запузырилась кровавая пена. – А она, идиотка, вообще не сечет, что это за деньги и за что в натуре проплаты. Ее же, дуру, за них на части порвут, хоть из-под земли достанут! Знал бы, где она отсиживается, – зубами бы у нее те лавэшки повыгрызал!

– Теперь верю, что о Кате тебе ничего не известно, – задумчиво произнес незнакомец. – Но оставлять тебя в живых я теперь тоже не могу. Лицо ты мое видел. Сам виноват. Так что извини...

...На следующее утро, в понедельник, Коля Шпала в «Трастсанбанк» не приехал. Там сперва не придали этому большого значения, тем более что подобные прецеденты уже были: загулял в воскресный вечер, вот теперь и отдыхает, не впервой...

Однако уже к обеду в банке скопилось немало серьезных вопросов, требовавших непосредственного вмеша-

ства «смотрящего». Мобильник Шпалы не отвечал, домашний тоже. Это настораживало: все знали, что Колян никогда и ни при каких обстоятельствах не выключал «трубу». Обзвонили нескольких Колиных друзей – те показали, что вчера он до позднего сидел в ресторане «ГодуновЪ», а после кабака вроде бы собирался домой. Консьерж в подъезде показал, что Николай Шпаликов действительно прибыл домой в половине первого ночи, но с тех пор из подъезда не вышел. В квартиру звонили минут сорок, однако никакой реакции не последовало. Установили, что дверь заперта изнутри. Пришлось вызывать слесаря из домоуправления и, на всякий случай, врача с участковым.

Бронированную дверь вскрывали «болгаркой» минут двадцать. Труп гражданина Николая Шпаликова полулежал на диване в зале, в лужице запекшейся крови. Очевидно, смерть наступила в ночь с воскресенья на понедельник. Впрочем, причиной смерти стало не проникающее огнестрельное ранение в плечо, а асфиксия: Шпалу банально задушили удавкой из гитарной струны.

Эксперты не обнаружили в квартире ни отпечатков пальцев кого-нибудь из посторонних, ни следов взлома входной двери, ни вообще чего-либо, указывающего на присутствие в квартире непрошенных гостей. Просмотр видеозаписей камер наружного наблюдения также не принес никаких результатов. Но вскоре неподалеку от соседнего дома был обнаружен брошенный автоподъемник, какой обычно применя-

ется для замены фонарных ламп на уличных столбах. Судя по всему, преступник при помощи этого самого подъемника забрался на крышу соседнего, неохраняемого дома, оттуда без труда перебрался на крышу дома, где жила жертва, после чего спустился в подъезд Шпаликова через слуховое окно и далее в подъезд через технический люк.

Почерк убийцы указывал на его несомненный профессионализм. Да и жертва его была человеком весьма известным, и оставалось только гадать, что он мог рассказать перед смертью. Трижды судимый уголовный авторитет Коля Шпала знал очень много закулисных тайн. И его гипотетических признаний невероятно боялись и в московских криминальных кругах, и среди генералитета МВД, и среди руководства Федеральной службы исполнения наказаний, к некоторым руководителям которой покойный был особенно близок.

Впрочем, убийство Коли Шпалы стало лишь первым звеном в целой цепочке зловещих и загадочных событий, произошедших в последующую неделю.

Спустя два дня был убит генерал внутренней службы Юрий Сиваков, являвшийся одной из ключевых фигур в структуре Федеральной службы исполнения наказаний. Случилось это рано утром, неподалеку от элитного дачного поселка Грин Хил, что на Новорижском шоссе. Юрий Сиваков совершал традиционную утреннюю пробежку – в отличие от большинства коллег, генерал не пил, не курил и очень заботился о своем здоровье. Труп генерала с рваной раной

на голове обнаружили в лесополосе неподалеку от дороги. Впрочем, удар по голове не был причиной смерти Сивакова. Генерал был задушен точно такой же гитарной струной, как и Колян Шпала. Никаких свидетелей убийства, естественно, не нашлось: будний день, загородная местность, лесополоса, утреннее время. И тоже оставалось гадать, что он успел сказать своему убийце.

А еще через день в медсанчасти московского следственного изолятора № 1, более известного как «Матросская Тишина», был обнаружен труп Равиля Мухамедшина по кличке Муха – авторитетного вора в законе, одного из «смотрящих» по столичным тюрьмам. Он, как и предыдущие жертвы, также был задушен гитарной струной. И вновь никаких свидетелей и вообще ничего, что могло бы прояснить причину гибели Мухи.

Несомненно, все три смерти были связаны между собой. На это указывал и «фирменный» стиль убийства – удавка из гитарной струны, и полное отсутствие свидетелей, и вообще каких-либо заметных следов.

Все погибшие прекрасно знали друг друга не первый год и, по слухам, имели общие бизнес-интересы. Оставалось лишь догадываться, кто и почему их заказал, кто был исполнителем и к каким последствиям могут привести их смерти...

– Ты, Антон, неправильно мясо на шампур насаживаешь, – невысокий чернявый мужчина протянул худую татуированную руку к шампурам. – Давай покажу, как надо.

– Руки прочь от продуктов питания! – с нарочитой угрозой воскликнул пожилой румяный здоровяк, загораживая собой дачный столик с огромной кастрюлей, где в бордовом маринаде плавала нарезанная баранина. – И вообще, Сохатый, ты всего лишь три месяца назад по УДО на свободу вышел, а уже в присутствии полковника внутренней службы к холодному оружию тянешься... Нехорошо!

Матвей Сахно, более известный в специфических уголовных кругах как Мотя Сохатый, ничуть не обиделся, тем более что на условно-досрочное он действительно вышел три месяца назад. Произошло это не без помощи хозяина дачи, Антона Никодимовича Голубинского, одного из влиятельных функционеров Федеральной службы исполнения наказаний, известного в вертухайско-криминальных кругах под обидным погонялом Голубь.

О причинах такого благоволения и Голубь, и Сохатый предпочитали не распространяться. Одни говорили об их общем бизнесе, другие – о компромате, имеющемся у Сахно не только на этого отдельно взятого полковника внутренней службы, но и на других полковников, подполковников

и майоров, третьи – о деньгах, щедро заплаченных братвой за освобождение Моти...

Как бы то ни было, но после освобождения Сахно гостил на даче Голубинского уже второй раз. И если первая поездка на полковничью дачу была простым визитом вежливости для изъявления благодарности, то теперь Голубь сам вызвал влиятельного уголовника телефонным звонком: предстоял серьезный разговор о делах...

Поливальные машинки на клумбах без устали крутились, разбрасывая вокруг себя струйки воды. Холодные капли стекали с лепестков роскошных роз и мохнатых астр. Антон Никодимович тщательно насаживал на шампуры куски маринованного мяса и, по мнению Моти Сохатого, делал это совершенно неумело.

– Голубь, иди лучше мангалом займись, а я за тебя все сделаю, – Сахно решительно отодвинул хозяина от стола, взял шампур.

– Думаешь, у нас в «исполнении наказаний» не понимают толк в мясе?

– Еще как... – процедил Сахно.

– Мясо должно быть живым, горячим, должно трепыхаться, как свежесорванное сердце! – Голубинский повздыхал, попытлся, однако уступил гостю.

– Что-то тебя на поэзию пробило...

Мангал, стоявший у беседки, уже дышал жаром. Призрачные синеватые огоньки перебегали по алым углям. Водрузив

шампуры на мангал, Сохатый искоса посмотрел на хозяина: мол, ты меня пригласил – тебе и начинать!

Голубинский, однако, не спешил. Очевидно ожидая наводящих вопросов от гостя.

Наконец Голубь не выдержал.

– Что ты о последних событиях думаешь? – спросил он, снимая с мангала первый шампур.

– Тебя только Колян интересует или Сиваков с Мухой тоже? – поинтересовался гость.

Хозяин попытел, повздыхал и сузил вопрос:

– Пока только Шпаликов.

– Ну, Колян вообще был человеком по-своему неплохим. Во всяком случае, надежным. Я с ним когда-то даже в Златоустовском центре сидел, только в разных камерах, – нормальный такой пацан, в авторитете, никаких подлянок за ним не замечали. Однако в последнее время, говорят, Шпала сильно оборзел. Дербанил бы в своей банке долю малую – и дожил бы до глубокой старости. Атак... Наверное, кому-то дорогу перешел, накосячил по крупняку, вот и поплатился, – осторожно ответил Мотя.

– Один... или со своей сестрой Каткой? – прищурился Голубинский.

– Да хрен их там разберет! Наверное, он все-таки со своей сеструхой в сговоре был. Не верю я, чтобы молодая неопытная баба такую кусошную мазу одна оторвала!

– А Сиваков с Мухой, царство им небесное? Что о них

можешь сказать?

– Так ведь они вплотную с покойным Шпалой работали. Кому, как не нам с тобой, об этом не знать! Одного убрали – вот цепочка и потянулась к остальным. А, может, Коля перед смертью тому киллерюге что-то лишнее по запарке ляпнул, потому заказчик решил не церемониться и остальных вальнуть для надежности, – спокойно произнес Сахно.

Полковник Голубинский аккуратно снял шампура с румяными шашлыками, разложил на подносе, поставил на стол в беседке. Принес из холодильника бутылъ вискаря, открыл, собственноручно налил уголовному авторитету...

– Ладно. Надо бы по нашему обычаю помянуть. За помин душ рабов Божьих Шпалы, Мухи и генерала Юрия Петровича Сивакова! – с пафосом и скорбно произнес Голубъ и перекрестился.

– Муха вообще-то мусульманином был, – напомнил Мотя Сохатый, но все равно выпил и тоже перекрестился, но как-то торопливо и коротко.

Спиртное под шашлыки, да еще за городом, всегда способствует быстрому взаимопониманию. После третьей рюмки Голубъ решил говорить без обиняков – тем более что сам вызвал гостя на беседу. А беседовать было о чем...

Год назад Коля Шпала по своим уголовным знакомствам нашел стабильный канал поставки в Россию кокаина. И притом по самым что ни на есть минимальным оптовым ценам. Предприимчивый Шпаликов тут же купил полумерт-

вую фирму «Гиппократ-М», по уставу занимавшуюся поставкой в Россию импортных медикаментов. Фирма была зарегистрирована на сестру Катю – ведь Шпале, который и так был на виду в своем «Трастсанбанке», не хотелось лишний раз светиться. Сперва «кокс» продавался через дилерскую сеть в Москве и Подмоскowie, однако вскоре Шпаликов дошел до очевидного: элитный наркотик куда выгодней задвигать по следственным изоляторам и тюрьмам. Ведь публика там встречается весьма денежная: уголовные авторитеты, мотающие срок бизнесмены, разные чиновники, откусившие кусок не по чину... Многие из них и за «решкой» не могут прожить без кокса – так почему бы на этом не нажиться? Ушлый Шпала быстро вычислил потенциальных компаньонов: генерала из «исполнения наказаний» Юрия Сивакова и своего старого кореша Равиля Мухамедшина, влиятельного казанского вора. Механизм был налажен четко: медицинская служба Федеральной службы исполнения наказаний через одно из своих унитарных предприятий перечисляла общий паевой взнос Шпалы, Сивакова и Мухамедшина в «Гиппократ-М» якобы за поставки лекарств для СИЗО и ИТУ. Деньги на всякий случай переводились через «Трастсанбанк», в котором Николай Шпаликов занимал далеко не последнее место, хотя и числился там всего лишь консультантом. Кокаин под видом лекарственных препаратов поставлялся фирмой Екатерины Шпаликовой. Деньги всегда шли стопроцентной предоплатой – за деловую ре-

путацию сестры головой отвечал Коля Шпала. Далее кокс под видом лекарств приходил в тюремные и зоновские медсанчасти, а уж оттуда попадал барыгам, которые с небольшим для себя наваром перепродавали его денежной публике. Естественно, многие врачи в погонах не хотели догадываться, какого свойства «лекарства» через них проходят, однако четко выполняли телефонные команды из Москвы, по которым часть порошков передавалась определенным людям.

Генерал Сиваков осуществлял общее прикрытие в домах без архитектурных излишеств, а вор Муха – оперативный контроль. Погоны Сивакова и его высокая должность гарантировали, что любой скандал будет погашен в зародыше, а авторитета Мухамедшина было более чем достаточно, чтобы барыги не зарывались и не крысили кэш. Навар вроде бы делился на троих – при этом, правда, было совершенно непонятно, какой процент доставался самой Кате. А ведь прибыль измерялась цифрами с многими нулями. Доза кокаина в Москве стоит от ста пятидесяти до двухсот долларов – и то нет гарантии, что он не разбодяжен сахарной пудрой или стиральным порошком. На зоне же одна порция с колес улетала за четыреста, а то и за пятьсот долларов, и от желающих не было отбоя. Спрос намного превышал предложение.

Все шло хорошо – по накатанной дорожке, пока на счета «Гиппократ-М» не упала особо крупная сумма. В контрольные две недели «лекарства» так и не поступили. Зато «Гиппократ-М» неожиданно объявил о самоликвидации,

а сама Екатерина Шпаликова исчезла. Конечно, логично было бы предположить, что она и заказала всю троицу – мол, уходя, гасите всех! Однако первой жертвой стал ее родной брат, а подставить его Катя не могла...

И полковник Голубинский, и Матвей Сахно тоже были вовлечены в преступный бизнес, однако в основном по мелочам: замять скандал на месте, заткнуть рот особо болтливым, наказать виновных, проконтролировать медсанчасть. Всей картины, всех ходов-выходов они не знали, да и знать не должны были... Однако с барских столов им доставались лишь крохи. Теперь, когда главные действующие лица были мертвы, к Голубю и Сохатому автоматически переходили все рычаги: кто-кто, а механизм продажи кокса на зонах и в тюрьмах они знали прекрасно. Тем более Голубинский был первым заместителем генерала Сивакова и теперь вполне мог рассчитывать занять его кресло со всеми вытекающими из этого последствиями...

– Ладно, Мотя, – Голубинский аккуратно разлил виски по рюмкам, – ты мне лучше скажи: каким ты дальше видишь наше светлое завтра?

– До завтра еще дожить надо, тем более до светлого, – по ситуации отреагировал Сохатый, тщательно пережевывая кусок шашлыка.

– Ну что ты под идиота косишь! – Антон Никодимович со злостью шлепнул комара на щеке. – Ты ведь и сам понимаешь, зачем я тебя пригласил! Хочешь, чтобы я тебе пер-

вый об этом открытым текстом сказал?

Сахно отложил пустой шампур.

– Зачем мне тебя напрягать лишний раз, нервировать? Пойми, Голубь, я ведь еще по дороге сюда все просчитал, по полочкам разложил, – Сахно зашелестел сигаретной пачкой, закурил. – И твой ход мыслей – прежде всего. Ты уже видишь себя на месте Сивакова, а меня – на месте Мухи. Ты уже прикидываешь, сколько бабла мы будем дербанить с одной дозы и сколько будем иметь в оконцовке с каждой партии. В голове у тебя нули, нули и еще раз нули. Картинка красивая, слов нет. Особенно если перед теми нулями какая-нибудь значащая цифирь пририсована. Оно все правильно... Только ты не учел одной простой вещи: поставки кокса уже обрублены. Катька Шпаликова его поставляла, если помнишь, и откуда брала – неизвестно. А где теперь Катька – на Канарах или в закрытом акционерном обществе с ограниченной ответственностью «Мать сыра земля» – одному богу известно.

Полковник внутренней службы внимательно слушал Сохатого и лишь иногда вздыхал. Повертел в руках пустую рюмку, подумал и пропыхтел уверенно:

– А я вот уверен, что рано или поздно что-то должно нарисоваться.

– Откуда такая уверенность взялась?

– Твое здоровье... – Голубь вновь разлил спиртное по рюмкам. – Понимаешь, Мотя, кокс сам по себе – ни-

что. Обычный порошок, за который ты ни дом не построишь, ни дерево не посадишь, ни детей на ноги не поставишь. Кокс становится интересен, когда его можно конвертировать в деньги. А лучше всего это делать через нашу пенитенциарную систему... Стопроцентная реализация, мгновенный оборот, и никому из Госнарконтроля платить не надо. Я так думаю, что у Катьки и компаньоны были, и поставщики: не самолично же она в Латинской Америке ту коку собирала и в кокаин перерабатывала! Вот я и подумал, что рано или поздно они на нас как-нибудь выйдут... Не сегодня – так завтра точно! Потому и спрашиваю тебя о завтрашнем дне. К тому моменту у нас толковый ответ на толковый вопрос должен в запасе иметься.

Сахно сцепил жилистые пальцы замком, хрустнул. Доводы собеседника выглядели весьма убедительно.

– Оно вроде все правильно, – ответил Мотя, поразмыслив. – Но есть один момент... Где гарантии, что и с тобой, и со мной не повторится то же, что с Мухой, Сиваковым и Шпалой? Кто их заказал, кто исполнил, зачем и почему... Вот когда мы это будем знать, тогда можно и о завтрашнем дне задуматься. А то ответ приготовим, а нас никто и спрашивать не станет.

Незаметно стемнело. Над коттеджным поселком зажглись первые робкие звезды. Острокрылые ласточки незримо прочеркивали мутноватое подмосковное небо. Угли в мангале окончательно остыли, шашлыки были съедены, и теперь

лишь пустые шампуры на подносе напоминали о недавнем празднике гастрономии.

Голубинский сходил в дом за новой бутылкой и закуской. Включил свет в беседке. Свинтил пробку с бутылки, разлил спиртное по рюмкам.

– Мотя, если ты думаешь, что я дурак, то напрасно, – Голубь причмокнул губами, выпил не чокаясь. – Я ведь умею просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Ментов из «розыска» я не только напряг, но и заинтересовал материально: мол, если найдете киллерюгу, заказчика... ну и Катюку Шпаликову, естественно, – не обижу, заплачу. Там отнеслись с пониманием – бабло в «розыске» любят...

– Ну хорошо: найдут твои менты ту же Катюку, закроют... А она возьмет и спалит канал, по которому кокс в Россию приходит, – с плохо скрываемым раздражением перебил Сохатый.

– Пусть для начала найдут, – вздохнул Голубь, промокивая салфеткой вспотевший лоб.

– Нам самим с теми заказчиками срочно разбираться надо, понимаешь? – втолковывал Матвей. – И чем скорей мы их найдем да ликвидируем, тем будет лучше и безопаснее для нас обоих. Ну, выйдут на нас те поставщики кокса... или даже сама Катюка. Ну, поднимемся мы на бабло. И что потом – к окнам не подходить, чтобы снайпер не вальнул? По дюжине «телков» на каждого нанимать, чтобы тебя до сортира сопровождали?

– Понимаю тебя, Мотя, – кивнул Голубинский. – Превентивный удар. Лучшая оборона – нападение.

– Я тут вообще вот о чем подумал, – продолжал Сохатый, воодушевляясь. – Неплохо бы нам своего киллерюгу завести. Карманного, так сказать. Чтобы, чуть что, хлоп – и решить проблему безо всяких там ментов. Только киллерюга должен быть таким, чтобы он о нас вообще не догадывался – это на случай, если запалится. Подумай.

– Уже думаю, – серьезно отозвался Голубь...

...Мотя Сохатый уехал в Москву лишь на завтра. Сидя на заднем сиденье своего лимузина, Сахно щурился, глядя в затылок водителя, вновь и вновь размышляя о вчерашней беседе с полковником внутренней службы. Предложение Голубинского таило множество выгод, однако все они были ничто по сравнению со страхом повторить судьбу Шпалы, Сивакова и Мухи. В голове, правда, вертелась еще одна мысль: а что, если всю троицу заказал Голубь? Однако после размышления эта мысль была отвергнута: ведь Антон Никодимович был человеком не слишком решительным, и к тому же, как говорят в уголовном мире, «без стержня».

Голубинский также провел весь последующий день в раздумьях. Он ни капли не жалел, что вызвал на откровенный разговор Сохатого: ведь влиятельный уголовник теперь был его единственным союзником. Если Катька до сих пор жива, то она или люди, которые теперь за ней стояли, рано или поздно выйдут на старый канал сбыта наркотиков. Одна-

ко слова о возможном покушении, брошенные Мотей, окончательно укрепились в мозгу полковника. К тому же было совершенно непонятно, откуда может исходить опасность и в какой момент ожидать удавки из гитарной струны, брошенной на шею.

– Нет, Мотя все-таки прав... Хорошо бы своего исполнителя иметь, карманного... Чтобы все вопросы без ментов решать, – прошептал Антон Никодимович, укладываясь спать.

Если спросить зека в задумчивой обстановке: «За что сидишь?», обычно услышишь в ответ предсказуемое: «Ни за что». Послушать этот татуированный народ, так окажется, что «подставили», «дело пришили», «потасили паровозом», «признательные показания выбили», «попали под замес», «следак дело повесил»... Лишь небольшая часть заключенных способна признавать свое преступление полностью и безоговорочно. И надо сказать, что это далеко не худшая часть осужденных.

Бывший спортсмен-биатлонист тридцатиоднолетний Илья Прудников попал за решетку абсолютно по делу: собственноручно отправил на тот свет подонка, убившего его молодую жену. Он просто не мог допустить, чтобы этот урод безнаказанно разгуливал по свету и совершал новые преступления, калечил судьбы и забирал жизни. Илью не остановило даже то, что у него на руках оставался малолетний сын Данька. Прудников знал, пока он будет чалиться на зоне, о сынишке не хуже матери позаботится младшая сестра Ильи – Юля, у нее имелись «крепкие тылы» и не приходилось думать о средствах к существованию. Недавно она вместе со своим женихом-хакером переехала жить в Чехию.

Вина Ильи была очевидной, да и все улики сходились. А потому на следствии он особо не отпирался и даже решил

после приговора не писать кассационку, чтобы не расстраиваться из-за отказа.

Уже осужденный, но все еще содержавшийся в СИЗО, Илья Прудников лежал «в узде» уже второй час. Длинный капроновый шнур, заложенный через рот и привязанный к выгнутым ступням, казался ему колючей проволокой. Скрученное в дугу тело будто пронзалось тысячью раскаленных иголок. Руки, также заведенные назад, затекли, одеревенели до полной потери чувствительности. Чтобы забыть о боли, Илья пытался сфокусировать внимание на чем-нибудь постороннем: стена с облупленной краской, решетки на окнах, ржавый потек на батарее центрального отопления... Несколько раз Прудников терял сознание, словно бы погружаясь в бездонный омут. И, всякий раз приходя в себя, удивлялся, почему еще не умер. Казалось, еще чуть-чуть – и позвоночник рассыплется от перенапряжения.

Заунывно скрипнула дверь. В кабинет оперативной части вошел оплывший, с двойным подбородком блондин в форме капитана внутренней службы. Это был тюремный опер, который и распорядился применить к Илье Прудникову пытку «взнузданием», именуемую на ментовском жаргоне «ласточка». Капитан равнодушно перешагнул через лежавшего на полу человека и уселся за стол. Достал термос и пакет с бутербродами, со вкусом неторопливо перекусил, открыл сейф, извлек папку с веревочными тесемками, лениво пролистал несколько страниц, затем взял мобильник и принял-

ся набирать эсэмэски. Оперативник словно не замечал мучений подследственного: он даже вполголоса проговаривал тексты скабрёзных сообщений, который отправлял каким-то бабам.

Как ни было больно Илье, однако он всеми силами старался не застонать в присутствии садиста, чтобы не сделать ему приятно. Больше всего Прудникову хотелось потерять сознание, чтобы хоть на какое-то время позабыть о боли. А то и умереть – он был бы не против.

Наконец, сунув телефон в карман, тюремный опер вызвал конвоира и распорядился развязать Илью. Истязуемый не смог сразу разогнуться и подняться на ноги и еще несколько минут бездвижно лежал на полу.

Тем временем капитан внутренней службы достал из сейфа нетбук, включил, повернул его экраном к Прудникову.

– Ну что, будем сознаваться? – капитан притворно зевнул.

– В чем? – прохрипел Илья, с трудом поднимаясь на ноги.

– Твоя цацка? – опер кивнул на нетбук.

– Нет. Подкинули при шмоне.

– Ну, вас тут послушаешь – так вам и наркоту подбрасывают, и мобильники, и порнушку, и водку. И, заметь, все задарма. Просто бесплатный аттракцион невиданной щедрости и раздача слонов... – отмахнулся тюремный опер. – И вообще: не тюрьма, а пансион благородных девиц. Может, и эту запись ты никогда не видел?

Илья медленно приходил в себя. Размял отекавшие руки,

встал у казенного стола и инстинктивно ухватился за его угол пальцами, чтобы не упасть. Пронзительно ныла спина, перед глазами плясали и растворялись бесформенные сиреневые пятна. Язык и губы потеряли чувствительность. В висках словно стучали молотки. Ватные ноги предательски подкашивались. Подследственный с трудом удерживал равновесие, чтобы не упасть.

– Ты садись. Вот тут, напротив, – разрешил опер.

Прудников послушно уселся. Широкоплечий гигант, он, казалось, несколько стеснялся своего роста, а потому немного сутулился. Тем временем капитан внутренней службы включил видео, и на экране замелькали обнаженные детские тела: это был отвратительный порнофильм для педофилов с гомосексуальными склонностями.

– Ну что, Прудников, снова хочешь сказать, что это не твое?

– Начальник, что ты от меня хочешь... – Илья демонстративно отвел взгляд от монитора. – Что ты тут дело из пальца высасываешь, зачем весь этот цирк с порнухой? Я следку все еще полгода назад сказал, у меня уже и суд был. Дело закрыто, приговор «Умышленное убийство, совершенное общеопасным способом», статья 105, пункт «е», девять лет. Чего вы меня на этап не отправляете? Вам бы головной боли меньше...

Илья говорил правду. В этом следственном изоляторе, расположенном в небольшом подмосковном городе, он си-

дел уже десятый месяц, то есть все время следствия.

Осужденный уже готовился к этапу, однако буквально через неделю после вынесения приговора начались разные непонятки. Илью дважды переводили из камеры в камеру, в каждой из которой сидели «дятлы», провоцировавшие его на драку, однако, умудренный тюремным опытом, Прудников старался не реагировать на провокации. Его вещи во время шмона перетряхивались с особой тщательностью. И вот сегодня ему неожиданно объявили: мол, во время последнего обыска в вещах Ильи был обнаружен нетбук с детской порнографией, оперчасть ходатайствует о возбуждении нового уголовного дела по позорной для честного арестанта 242-й статье Уголовного кодекса – «Незаконное распространение и оборот порнографических материалов».

То, что нетбук с педофильской порнухой был банально подброшен во время обыска, когда вся хата находилась на прогулке, сомнений не вызывало. Оставалось лишь догадываться, кто решил подставить Илью по такой гнилой статье и с какой именно целью...

– Короче, Прудников, рисую тебе твои ближайшие перспективы, – капитан хищно улыбнулся. – Вариант первый. Ты остаешься тут, и уголовное дело по двести сорок второй идет в производство. Через пару дней об этом будет знать вся тюрьма. Ты сейчас еще «мужиком» сидишь. Обещаю: через два, максимум через три дня тебя за такую статью обязательно опустят, пойдешь жить под нары. И так – до нового су-

да. После приговора с довеском за «порнуху» отправишься на зону в том же кукарекающем качестве... если, конечно, до нее доедешь. Вариант второй. Сейчас с тобой переговорит один человек из Москвы. Если ты ему понравишься – твоя жизнь может сильно измениться к лучшему. Насколько к лучшему – ты даже и не представляешь... Ну, что скажешь?

Предложение выглядело совершенно неожиданным и темным, однако Илья промолчал. Ведь тюрьма уже научила его никогда не выказывать ни удивления, ни заинтересованности.

– Так будешь с ним говорить? Большой человек, специально к тебе из Москвы приехал!

– Давно ни с кем с воли не базарил, – Прудников с равнодушным видом передернул плечами. – Давайте, гражданин начальник...

– Вот и хорошо... – Опер набрал на телефоне внутренней связи какой-то номер, бросил пару фраз.

Спустя минуту в кабинет вошел одетый в штатское незнакомец, которого Прудников никогда прежде в этом СИЗО не видел. Чернявый, с подвижным лицом и топорщившейся на нем черной щеткой усиков, этот человек неуловимо напоминал майского жука из мультфильма. Оперативник вскочил, козырнул и вышел в коридор. Чернявый несколько минут молча рассматривал Прудникова, затем неожиданно улыбнулся.

– Ну что, Илья Петрович Прудников, приблизительно таким я вас и представлял. Давайте знакомиться.

У чернявого был приятный баритон, его манера держаться и подчеркнутое обращение на «вы» располагали к себе. Однако Илья оставался совершенно равнодушным. Ведь большинство неприятностей у арестантов случаются как раз от таких вот обходительных внешне ментов.

– Как скажете, – спокойно молвил Илья.

– Значит, светит вам девять лет усиленного режима. Пока что девять, потому что после повторного суда наверняка добавят. И вам абсолютно нечего сказать в свое оправдание.

– А зачем? Разве это что-то изменит?

– Конечно, не изменит, – согласился чернявый. – Скажите, Илья Петрович, а вам себя не жаль? Вам ведь всего тридцать один год. На волю вы выйдете в сорок... если выйдете, конечно. С подорванным здоровьем, букетом болезней и полным отсутствием жизненных перспектив.

После этих слов Прудников окончательно утвердился в мысли, что чернявый – очень опасный тип, в беседе с которым надо тщательно фильтровать каждое слово. Ведь если менты начинают давить на жалость – тут обязательно следует ждать подвоха.

Подвоха, впрочем, пока не наблюдалось. Похожий на жука мужчина довольно складно пересказал биографию подследственного, особо остановившись на том, что у него почти не осталось на воле родных и близких.

– Ладно, – закончил он. – Теперь пора и мне представиться. Зовут меня Борис Аркадьевич, и служу я в Федеральной службе исполнения наказаний. Больше вам знать про меня пока что не надо. Скажите – вы хотели бы выйти на свободу до срока? Ну, скажем... уже на этой неделе?

– Кому не хочется... – передернул плечами Илья. – Хотел бы, конечно!

– Тогда предлагаю выслушать мое предложение и дать ответ – утвердительный или отрицательный. От этого ответа и будет зависеть ваше ближайшее будущее.

Борис Аркадьевич излагал свое предложение четко и детально: несомненно, этот монолог был им загодя отрепетирован. Мол, если Илья Петрович не примет его предложение, то вряд ли доживет до конца срока – особенно с учетом новой позорной статьи. Если же Илья Петрович примет его предложение, то уже завтра он сможет покинуть тюремные стены. Местная медсанчасть зафиксирует его смерть, не востребованное родственниками тело будет кремировано, а сам Прудников...

– А как это мое тело будет кремировано? – не понял Илья.

– Вас лично, конечно, никто сжигать не собирается. Просто в уголовное подошьют два документа: свидетельство о смерти и справку о кремации, – спокойно пояснил собеседник. – И этого вполне достаточно для ваших фиктивных похорон. А теперь слушайте, в чем суть моего предложения. И отвечайте немедленно: «да» или «нет». Минуту на раз-

мышление не даю.

Вот тут-то и прозвучало само предложение, неожиданное, странное и заманчивое...

...Конечно же, Илья ответил согласием – а что ему еще оставалось делать?

– Только в ближайшее время абсолютно ничему не удивляйтесь, – загадочно проговорил Борис Аркадьевич.

Ах, Черное море! Ах, жаркое солнце!

Стоит только произнести эти слова, и перед глазами тут же возникает сопутствующий черноморскому побережью пейзаж: фланирующие по набережной курортники, шелестящие на ветру пальмы, соленые брызги прибоя, теплые вечера со стрекотом цикад и романтические прогулки...

Так уж случилось, что Катя Шпаликова за свои тридцать четыре года никогда прежде не бывала на море, хотя большая часть ее подруг в таком возрасте объехала едва ли не полмира. Все как-то с морем не складывалось. Сперва – непростая жизнь в нищем приволжском поселке с поэтическим названием Суперфосфатный, затем – учеба в Московском промышленном институте, которую приходилось сочетать с изнуряющей работой. Да и брат Коля, еще в «лихие девяностые» подавшийся покорять Москву, не очень-то дружил с Уголовным кодексом, вначале примкнув к «ореховским», а затем получив и первый срок за вымогательство. Потом последовали еще два срока по аналогичным статьям. Так что младшей сестре приходилось буквально разрываться между учебой, работой и свиданиями с Коляном едва ли не во всех следственных изоляторах столицы. Несмотря на ощутимую разницу в возрасте, Катя нянчилась с братом, словно родная мать: бегала по адвокатским конторам,

носила в СИЗО «дачки», давала взятки следователям и даже улаживала Колины дела с коллегами по бандитскому ремеслу. «Катька, отдай за меня карточный долг!», «Катька, передай в посылке побольше витаминов!», «Катька, сунь лавешек кому надо на зоне, а то менты меня тут совсем загнобят!». Катя послушно исполняла все, что ей было сказано. Так что времени на морские курорты совершенно не оставалось, не говоря уже о личной жизни и обо всем остальном.

Катя даже особо не придавала внимания своей внешности, хотя от природы была недурна собой. Она не бегала по бутикам, не следила за последними веяниями моды и даже косметикой пользовалась лишь от случая к случаю. В неизменном сером костюме, с гладко стянутым конским хвостиком на голове и в круглых очках, Шпаликова напоминала молодую учительницу младших классов, приехавшую в провинцию по распределению после института.

Вскорости брат остепенился, перестал заниматься уголовщиной напрямую, зато сделался заметной фигурой в московском криминальном мире. Столичные воры явно благоволили Шпале – а иначе кто бы поставил его «смотрящим» в солидный банк? Видимо, в знак благодарности за все мучения бывший «бригадир» ореховских и устроил Катю на довольно денежную и не слишком ответственную должность гендиректора фармацевтической фирмы «Гиппократ-М». Должность, как выяснилось, была чисто формальной: Катя лишь получала там зарплату, ставя подпись там, где говорил брат.

Через Шпаликову проходили огромные деньги, которые она послушно перечисляла на какой-то счет в захудалом банке на Кипре, в обмен на деньги потом какие-то «латиносы» поставляли какие-то лекарства...

Что это за лекарства, кто их производит и для чего они предназначены, Катя особо не вникала: дальнейшим их продвижением и распределением занимался друг родного брата, знойный красавец Лаша Лацужба из Абхазии. С ним Николай когда-то сидел на зоне и даже был в одном отряде. Этот человек и был фактическим директором «Гиппократ-М», где занимался почти всем: от переговоров с людьми из ФСИН и до конспиративных бесед с какими-то странными татуированными личностями, нередко появлявшимися в офисе. Правда, до конца Колян ему не доверял – никогда не сводил с теми самыми поставщиками-«латиносами». Выходы на них имелись только у него, да еще у самой Катьки. А для остальных это была тайна за семью печатями. Но иначе в бизнесе и нельзя. Если без тебя смогут обойтись, то тебя из цепочки обязательно выбросят.

И так уж сложилось, что Лаша стал первой настоящей любовью Кати. Именно он уговорил ее взять отпуск и отправиться с ним в Пицунду: мол, хачапури покушаем, вина попьем, заодно и с родителями познакомлю!

Естественно, Катя не могла отказать – тем более что намерения у Лаши вроде бы были самыми что ни на есть серьезными. Что касается самой фирмы, то Лаша обещал все

дела взять на себя. Тем более что Лаша был близким другом брата Николая, к тому же, со слов самого Лацужбы, со старшим братом обо всем было условлено.

И вот теперь, сидя в кафе на набережной, Катя любовно смаковала терпкое местное вино и, глядя на черноглазого, похожего на марьяжного валета Лацужбу, застенчиво ему улыбалась.

– Что молчишь, Катя? – Лаша подозвал официанта, хозяйски распорядился принести еще бутылку вина.

– Хорошо тут у вас...

– Хорошо везде, где деньги есть, – то ли в шутку, то ли всерьез промолвил Лацужба.

– Хорошо там, где теплое море... И ты.

Абхазец взял руку девушки, проявляя галантность, поцеловал.

– Не жалеешь, что приехала?

– Ну что ты! – Катя благодарно посмотрела на собеседника. – А когда ты с родителями познакомишь, как обещал?

– Ва, слушай, женщина, сколько можно одно и то же повторять! – нарочито-грозно прикрикнул Лаша. – Тебе что – меня мало, целую толпу родственников сразу тут хочешь собрать? Зачем еще нам теперь мои папа-мама?! Я обещал – я сделаю. А пока – отдыхаем, да? Вон, видишь, море, пальмы, вино какое вкусное... Все для тебя! Или тебе что-то не нравится?

Отдых Кате действительно очень нравился. Блестело мо-

ре, шуршали пальмы на ветру, белоснежные чайки с гортанными криками парили над белопенными волнами. Правда, Шпаликова все-таки не забывала о работе, то и дело интересовалась у Лаши, как там в «Гиппократе-М» идут дела. Однако молодой абхаз только отмахивался – мол, все на мази, пусть твой брат этим занимается, а наше дело молодое, будем наслаждаться теплым морем, южным солнцем и вкусными винами! А потом и дорогого Колю на нашу свадьбу пригласим! Знаешь, мол, какие в Абхазии свадьбы бывают! По тысяче человек!

Официантка с неулыбчивым лицом принесла бутыль вина, открыла, разлила по бокалам. Лацужба взял бутыль, бросил взгляд на этикетку.

– «Амра» называется. Знаешь, что такое по-нашему «амра»? Солнце. Твое здоровье!

– Спасибо, – Катя пригубила, поставила бокал на стол, достала из сумочки мобильник. – Лаша, что-то никак понять не могу: как сюда приехала – ни одного звонка не было, хотя за роуминг заплатила. И я в Москву дозвониться не могу. И ни одного е-мейла с работы.

– Коле дозвониться не можешь? – кавказец вскинул черную, словно рисованную бровь.

– Ему. И он почему-то трубку не берет.

– Да не волнуйся ты! Связь плохая. Тут иногда такое бывает... – Лацужба вновь разлил вино по бокалам. – А давай как-нибудь на озеро Рица съездим!

– Давай. Только...

– Что, о Коле так печешься? Успокойся, я ему сегодня же сам с домашнего позвоню, – Лаша приподнялся, поцеловал Катю в щеку. – Прямо вечером. Да, слушай, как я мог забыть? Мне ведь сегодня кабана надо убивать. Знаешь, какой огромный боров вырос?

– Ты что, сам его убивать будешь? – не поверила Шпаликова.

– Конечно! А что, тебя просить?

– Как-то не представляю тебя в такой роли. Ты что, уже убивал свиней?

– Я много кого убивал, – ответил абхазец то ли в шутку, то ли всерьез. – Если тебе неприятно на это смотреть – прогуляйся пока, через пару часов вернешься. А я тушу разделю, шашлык-машлык замариную, сегодня как раз под чачу и покушаем, да?

День до вечера прошел у Кати в праздном ничегонеделании. Молодой кавказец отправился домой, а девушка несколько часов бродила по набережной: покупала какие-то безделушки, заходила в кафе, спускалась к морю и, сняв босоножки, окунала ноги в теплую соленую воду. Несколько раз Шпаликова набирала номер брата, но – безрезультатно.

Конечно, она почти безоглядно верила Лаше: ведь он действительно был другом ее брата! К тому же Лацужба обещал, что в отсутствие Кати все бизнес-дела будут идти своим чередом. Но, с другой стороны, Катя слишком хорошо зна-

ла характер брата: Коля был крут, особенно во хмелю, обид никогда и никому не прощал, и банальная ссора в московской дорожной пробке могла перейти в жуткую поножовщину. Как знать – может быть, он опять в следственном изоляторе или с ним случилось еще что-нибудь похуже?

И тут девушку осенило: а что, если позвонить с переговорного пункта? Тем более что на набережной их было несколько.

Звонок на мобильный Коли ничего нового не дал – «абонент временно недоступен». А вот в «Трастсанбанке» трубку стационарного телефона в кабинете брата подняли сразу.

Катя оживилась и торопливо произнесла прежде, чем ей успели ответить «алло»:

– Николай?

Из трубки донеслось удивленное покашливание.

– А кто его спрашивает? – донесся из наушника чужой голос.

– Нет, это вы мне скажите, что делаете в кабинете Николая, почему берете трубку? – возмутилась Екатерина Викторовна Шпаликова.

– Вы что, ничего не знаете? – прозвучал удивленно голос.

– А что, собственно говоря, я должна знать?

После небольшой, но выразительной паузы из трубки донеслись короткие гудки. Катя растерянно сняла очки, протерла их носовым платком... Было очевидно, что с братом что-то произошло. Но что?

Об этом наверняка уже должен был знать Лаша. Катя вышла из стеклянного павильона переговорного пункта, бессиленно уселась на лавочку. И, с трудом поборов желание тут же позвонить жениху, побежала к стоянке такси: все-таки о таких вещах лучше говорить не по телефону...

Лаша Лацужба стоял во дворе своего шикарного дома. На дощатом помосте лежала уже осмоленная туша кабана. Рядом, в эмалированной выварке, дымился свежий ливер. Теперь абхазец совершенно не походил на себя прежнего: забрызганный свежей кровью, с острым ножом в руках и с банданой на голове, он напоминал кровожадного кавказского боевика из сериала.

– Лаша... – Катя бросилась к жениху. – Что с Колей?

Кавказец воткнул нож в помост, прищурился.

– В Москву с «переговорки» звонила?

– Да...

Абхазец утер пот со лба, осторожно приобнял девушку, прошептал на ухо:

– Крепись, Катя. Я тоже час назад узнал. Не хотел, дорогая, тебя тревожить. Дело в том, что...

...Катю удалось успокоить лишь через час. Лаша накапал ей транквилизаторов, уложил в постель и даже присел рядом. Сестра убитого с отрешенным видом молчала. Наконец тихонько спросила:

– Лаша, кто это мог сделать?

– Не знаю, Катенька, – Лацужба осторожно прикоснулся

к руке Шпаликовой. – Ничего пока не знаю. Известно мне лишь одно: нам с тобой сейчас в Москву ехать нельзя. Хорошо, что ты хоть не назвалась по телефону.

– Даже на похороны ехать нельзя? – Катя приподнялась на локте, обескураженно взглянула на Лацужбу.

– Ни в коем случае. Коле этим уже все равно не поможешь.

– И как же теперь... бедный Коля, его же в землю зароят, света Божьего больше не увидит! – Катя тихонько всхлипнула. – А я тут буду сидеть, даже не попрощавшись!

Лаша с силой сжал руку Кати.

– Нельзя, Катя. Там ведь, как выяснилось, не только Колю убили, но и людей, с которыми ты по медикаментам работала. А там люди очень серьезные!

– А когда можно будет?

– Не знаю. Зато в Абхазии тебя никто и искать не будет. У меня тут все завязки, если кто подозрительный появится – местные менты сразу свистнут. Главное для тебя теперь – сидеть очень тихо, никуда не звонить, никому не писать... И во всем слушаться меня. Договорились?

Катя хотела еще что-то спросить, но, едва взглянув на жениха, осеклась. В тусклом свете ночной лампы Лаша выглядел сурово и сосредоточенно, невольно напоминая себя давешнего, с окровавленным ножом в руках. Губы его были плотно сжаты, глаза прищурены.

Несомненно, абхазец прав: люди, убившие Колю, теперь вполне могли начать охоту и на его сестру. А потому здра-

вый смысл подсказывал: лучше послушаться жениха. Ведь теперь Лаша оставался, по сути, единственным человеком, которому Катя могла доверять...

Знал же Илья Прудников, что ментам, следакам и прокурорским верить нельзя ни при каких обстоятельствах! Даже если они тебе говорят, что дважды два – четыре. Но сделали же ему странное предложение, от которого нельзя было отказаться. И это предложение он принял лишь затем, чтобы избежать позора и неминуемой скорой смерти от рук блатных. Педофилу с гомосексуальными склонностями за решеткой долго не прожить. Однако и это почему-то не помогло. Станный тип Борис Аркадьевич, так и не назвавший своей фамилии и должности, получив согласие от Ильи, резко пропал с горизонта, словно его и не было никогда на свете.

И тут, как поначалу посчитал Илья, произошел обнадеживавший случай. Прудникова вывели из камеры. Конвоир, конечно же, не говорил, куда ведут и зачем. Классического распоряжения «с вещами на выход» не прозвучало, значит, предстояло вернуться в камеру. Вскоре и сам Илья сориентировался, что вели его к следователю.

Когда он шагнул в кабинет, то от неожиданности замер. Ненавистный следак, как и положено, сидел за своим письменным столом, развалившись в кресле. А вот рядом с ним – за приставным – скромно расположилась миниатюрная женщина. Длинные светлые волосы туго заплетены в косу и аккуратно уложены венком вокруг головы. Но Илья-то помнил

эти волосы распущенными, когда женщина, будучи еще девчонкой-школьницей, стыдливо прищурившись в полумраке, смотрела на него сквозь густые пряди, падавшие ей на лицо. В одно мгновение в памяти всплыла и ночная мансарда на даче, куда они вдвоем приехали тайком от ее родителей, и любопытная луна, заглянувшая в высокое потолочное окно. Вспомнился и неумелый поцелуй с этой девчонкой-одноклассницей, с которой в школе он сидел за одной партой, с которой у него в старших классах случилась первая любовь... У Ильи чуть не вырвалось: «Наташка!»

Но его остановил взгляд женщины. Ее глаза словно говорили: «Молчи, мы незнакомы». И он подчинился. Все дальнейшее происходило как в тумане.

– Ваш адвокат, – представил следователь ту самую Наташку из прошлого.

– Адвокат? – переспросил Илья.

– Обухова Наталья Прохоровна, – назвалась его первая любовь.

А он и не знал до этого, что она Прохоровна! Да и не Обухова была ее фамилия, а Ильина. Прудников, не понимая, что происходит, смотрел на Наташу, так неожиданно оказавшуюся в кабинете следователя.

До слуха Прудникова доносился голос следователя, тот монотонно зачитывал ему постановление о возбуждении уголовного дела по факту обнаружения в тюремной камере нетбука с порнографическим видео педофильского содержа-

ния.

– Вы понимаете меня? – спросил следак, заметив, что Илья практически не слушает его.

– Вы сами знаете, что нетбук с этими мальчиками мне подбросили, – вернулся к реальности Прудников.

– С мальчиками или с девочками... девочки, мальчики... Какая, в задницу, разница? Статья одна и та же, – следак хохотнул, а затем спохватился и глянул на адвоката. – Извините, Наталья Прохоровна, вырвалось. Работа с уголовным контингентом сказывается. Сами видите, с кем общаться приходится.

– Где Борис Аркадьевич? – требовательно поинтересовался Илья.

– Какой Борис Аркадьевич? – удивился следователь. – У вас с головой все в порядке?

Происходила какая-то фантасмагория. Теперь уже и присутствие Наташи Илье казалось частью некоего страшного плана, направленного специально против него. Прудникова в данный момент уже перестало волновать собственное незавидное будущее, больше всего его угнетало, что Наташа может поверить во всю эту мерзость, непонятно зачем созданную вокруг него. Не за этим ли ее пригласили?

– Суть обвинения мне ясна. Могу я поговорить со своим адвокатом наедине? – спросил Илья.

Следак удивленно вскинул брови, ведь адвокат был бесплатный, дежурный, а значит, и не станет Наталья Прохоров-

на сильно стараться. Чего тогда с ней говорить?

– На данный момент все кабинеты для общения с адвокатами заняты, – выдал ожидаемую фразу следак, проверить сказанное им не было никакой возможности.

– Мой клиент имеет такое право, – произнесла Обухова, стараясь говорить абсолютно нейтрально, будто просто констатировала юридическую реальность.

– Ну, раз вы сами на этом настаиваете... Пять минут, – милостиво разрешил следак и оставил Илью с Обуховой в своем кабинете.

Когда дверь закрылась, Илья выдохнул:

– Ты... Наташка? Почему ты здесь оказалась?

– Я сегодня просто была дежурным адвокатом в коллегии. Меня вызвали... Я увидела твою фамилию... Это абсолютная случайность... – торопливо и сбивчиво принялась объяснять женщина.

– Ты же не веришь в эту гадость? Мне подбросили нетбук с детской порнухой. Хотят расправиться, – Илья хотел еще добавить о странном предложении, которое он принял, но осекся, ведь столько лет прошло, а люди со временем меняются.

– Конечно же, не верю, – Наташа заглянула Илье в глаза. – Ты такой же, как прежде, только взгляд стал жестче. Но ты смотришь на меня и словно понемногу отмокаешь. Правда?

Илья и сам чувствовал, как его душа, загрубевшая на зоне и в тюрьме, плавится, размягчается от женского тепла. Он-то

знал, как бессонными ночами, ворочаясь на шконке, вспоминал счастливые моменты их первой любви, вспоминал ее лицо и сквозь пряди волос стыдливый взгляд школьницы выпускного класса.

Наташа попыталась обнадеживающе улыбнуться:

– Я все для тебя сделаю. Я неплохой адвокат. Я сумею, смогу.

– Вряд ли тебе удастся. Но все равно спасибо. Ты же Ильина, почему тогда сказала – Обухова?

– Глупый ты мой, – назвала она его так, как часто называла в школе. – Я замужем была, но детей у меня нет, – почему-то добавила она, наверное, это обстоятельство являлось для нее важным.

Илья протянул руку под столом, их ладони встретились. Пальцы Наташи были такими же тонкими, податливыми, как и раньше. В дверь коротко постучали. Илья отдернул руку, и вовремя – вошел следователь.

Вернувшись в камеру, Илья не отвечал на вопросы других сидельцев. Наверное, он выглядел странно. От него отвязались, подумав, что, возможно, случилось что-то плохое с кем-то из его родственников и бывалый зэк просто не хочет об этом говорить. Перед самым отбоем гроыхнула «кормушка» и послышался возглас:

– Прудников, на выход.

– Куда тебя? – тихо поинтересовался сосед по тюремным нарам.

– Сам не знаю, – так же тихо и абсолютно искренне ответил Илья.

Во дворе СИЗО стоял старый автозак на базе «газона». Возле него прохаживался тот самый следак. На его губах змеилась нехорошая, во всяком случае, так показалось Прудникову, улыбка. На вопросительный взгляд Ильи, мол, куда везут, следак, не задумываясь, ответил:

– Расстреливать, – а затем согнал улыбку с лица и ответил вполне серьезно: – На следственный эксперимент едем.

– Будете проводить процессуальные действия без адвоката? – произнес Прудников, понимая, что в его ситуации это ничего не меняет, ему просто хотелось еще раз увидеть Наташу, так неожиданно возникшую из его прошлого.

– Почему без адвоката? – удивился следак. – Будет тебе в свое время не только адвокат, но и строгий судья с принципиальным прокурором.

Прудников поднялся в машину. Его затолкнули в так называемый «стакан» – узкую железную выгородку в кузове, в которой можно было только стоять. Конвойный в автозак не поднимался. Дверь с лязгом закрылась. Кто едет в кабине, Илья не знал. Двигатель заурчал, и машина тронулась с места. Вскоре стемнело. Ехали где-то за городом по ровному неоживленному шоссе. Лишь изредка со свистом мимо проносились машины.

«Наташа, – мысленно позвал в мыслях Прудников, а когда ему показалось, что она если не слышит его, то хотя бы чув-

ствует, спросил: – Ну почему мы тогда расстались? Может, все было бы по-иному?»

За рулем автозака сидел молоденький водитель-срочник, рядом с ним жался конвойный. Когда предстояло переключить передачу, последнему приходилось забрасывать ногу за ногу, чтобы дать ход рычагу. У правой дверцы с комфортом расположился следак. Он с сосредоточенным видом просматривал бумаги в папке, хотя уже было темно и разобрать текст ему вряд ли удавалось.

– За следующим поворотом налево уйдешь, на грунтовку, – бросил он водителю.

Тот недоуменно посмотрел на следака.

– Так ведь не по дороге.

– А кто тебе сказал, что по дороге? – улыбнулся следак. – В одно место заехать надо. Потом на трассу вернемся. Тут недалеко. Много бензина не сожжешь.

– Надо так надо.

Вскоре автозак уже трясся по пустынной гравейке. Земляное полотно было волнистым, как стиральная доска, – не разгонишься.

– А теперь – стоп, – приказал следак.

Водитель вдавил тормоз и с удивлением осмотрелся. Рядом не наблюдалось жилья. Лишь еле заметная тропинка уходила в молоденький лесок.

– Глуши.

Мотор замолк. Наступила тишина.

– Значит, так, слушать сюда, – сказал следователь, выбираясь на дорогу. – Вот тропинка, а вот, – он вытащил из-под сиденья что-то тяжелое, замотанное в тряпки и перетянутое скотчем, – задний мост для «Жигулей». Несете его по тропинке до рыбацкого домика и отдаете жильцу. Скажете, что от меня. И – назад. А я тут покараулю. Задача ясна?

Вообще-то автозак с заключенным конвойный не имел права оставлять на дороге, водитель тоже. Но так распорядился следователь. Да и просто, по-человечески, не станешь отказывать человеку, который намного старше тебя по возрасту и по положению. Конвойный с водителем подхватили задний мост и, негромко чертыхаясь, потащили его лесной тропинкой. Как только они исчезли в зарослях, неподалеку тихо заурчал двигатель легковой машины. Из-за кустов выехала невидимая до этого с дороги «Волга». За рулем сидел тот самый таинственный Борис Аркадьевич.

– Здравия желаю, – тихо проговорил следак.

– Давай быстрее.

Следак открыл автозак, посветил вовнутрь фонариком. Стоявший в «стакане» Прудников зажмурился от света, бьющего в лицо, прикрыл глаза ладонью. Он все еще ничего не понимал.

– А вы думали, что я о вас забыл? – спросил Борис Аркадьевич, забрал у следака фонарик и посветил себе в лицо. – Я свое слово всегда держу.

Загремел запор. Удивленный Илья выбрался из машины.

Борис Аркадьевич уже держал поднятой крышку багажника «Волги».

– Поторапливайтесь, – подгонял он шепотом.

Прудников заглянул внутрь. В багажнике лежал абсолютно голый мертвый мужчина примерно одной с ним комплекции.

– Труп – свежак, – с каким-то затаенным умилением проговорил Борис Аркадьевич. – Бомж от сердечной недостаточности перекинулся. Его вместо вас и сожгут. Раздевайтесь. Если б вы только знали, скольких забраковать пришлось!

Илья сбросил одежду.

– Белье тоже снимайте.

Следак вместе с Ильей, как могли, быстро облачили мертвого бомжа в одежду Прудникова, затем с трудом затащили его в автозак и, поставив в «стакан», закрыли на замок.

– В «Волгу» садитесь. Потом оденетесь, – отдал распоряжение Илье Борис Аркадьевич.

Легковая машина сдала задом и скрылась за кустами. Вновь наступила тишина. Таинственно раскачивались верхушки худощавых сосен. Перемигивались в ночном небе звезды. Илья увидел, как из леса вышли водитель с конвойным, как сели в машину и уехали.

– Ну вот, дело сделано, – осклабилсЯ Борис Аркадьевич. – Приедут на место. А зэк в «стакане» по дороге загнулся. Неприятность, конечно, но ни в коем случае не трагедия

вселенского масштаба. Скоро все и как звать вас забудут. Был такой, и нет его. Только горстка пепла останется да пара бумажек с печатями и подписями. Пошли, новорожденный.

– Так голым и идти? – засомневался Прудников.

– Я спешил. Не успел в машину одежду положить. А чего стесняться? Лес, ночь. Люди голыми в этот мир приходят. А у вас, считайте, сегодня день рождения.

Поскольку других вариантов не было, пришлось идти в чем мать родила. Станные ощущения. Пробирал ночной холод, босые ноги кололи валявшиеся на тропинке крепкие сосновые шишки. При этом обычно уверенный в себе Илья чувствовал себя незащищенным. Лес кончился. На опушке стоял небольшой бревенчатый домик, обнесенный невысоким заборчиком. Над воротами красовалась надпись «Дом рыбака». У калитки гостей уже встречал странного вида мужчина. Длинные волосы, собранные на затылке в хвост, в носу пирсинг, руки выше кистей густо укрыты татуировками. По их композиции можно было предположить, что они идут и выше, а то и по всему телу. При этом татуировки были явно не тюремные, а высокохудожественные.

– Добрый вечер, – мужчина абсолютно не обратил внимание на то, что Илья голый, и первым протянул ему руку для приветствия. – Виталий, – представился он.

Прудников вопросительно глянул на Бориса Аркадьевича, не зная, имеет ли право называть свое настоящее имя.

– Илья, – за Прудникова произнес его провожатый.

Мужчина, назвавшийся Виталием, пригласил пройти в дом. Илья переступил лежавший на крыльце, закрученный в тряпье задний мост от «Жигулей» и шагнул внутрь.

– Борис Аркадьевич, а что теперь с этим дурацким задним мостом делать?

– Надо же мне было им двоим какую-то ношу дать.

– Можете надеть, – Виталий указал Илье на банный халат, висевший на спинке стула.

Одевшись, Илья почувствовал себя более уверенно. Татуированный пристально его разглядывал.

– Не удивляйтесь, – усмехнулся Борис Аркадьевич. – Это у него профессиональное. Вас придется немного подправить.

– В каком смысле? – напряженно поинтересовался Прудников.

– Лицо подправить. Все-таки не хотелось бы, чтобы вас узнавали знакомые.

– Пластическая операция?

– Зачем? Небольшие корректировки. Сейчас этим и займемся.

Илью усадили в кресло. Виталий достал средних размеров серебристый кофр. На приставном столике стал раскладывать инструмент.

– Это не больно и не опасно, – говорил он, протирая лицо Прудникова марлей, смоченной в спирте. – Первоклассный медицинский силикон. При желании все можно вернуть

в исходное состояние.

Виталик отошел на несколько шагов, всмотрелся в лицо Ильи так, как делает это художник, а затем поднял в руке шприц.

– Вам лучше закрыть глаза. Вернее, мне так легче будет работать.

Прудников повиновался. Иголлка шприца колола в губы, щеки, лоб, а Виталик говорил:

– Чуть-чуть сделаем толще верхнюю губу. Усилим надбровные дуги. Видите, Борис Аркадьевич, теперь у него абсолютно другое выражение лица...

Священнодействие продолжалось около часа. Наконец Виталик сказал:

– Готово.

Прудников открыл глаза. Борис Аркадьевич держал перед ним большое подрагивавшее зеркало, из которого на Илью смотрело отражение. Узнать Прудникова было можно, но он уже стал другим. Изменились не черты лица, а именно его выражение. В случае если бы кто-то из знакомых остановил его на улице, достаточно было бы просто сказать, что человек ошибся. А в ответ услышать, что «да, извините, теперь сам вижу».

– Удивлены? – самодовольно проговорил Виталик. – Дело в том, что после тридцати лицо уже становится как бы отражением прожитой человеком жизни. Его формируют морщинки, складки. Если вы часто улыбались, то они сложат-

ся в один рисунок, если сердились, то в другой. Не знаю, как сложилась ваша судьба, но могу сказать, вам много пришлось страдать, – Илья не успел ответить, а Виталик уже доставал ножницы, фен. – Изменим и прическу. А вот бриться в ближайшие дни я вам не советую. Обрастите щетиной, это придаст вам солидности.

Наконец «правка» лица было окончена.

– Несколько дней надо дать на то, чтобы изменения вошли в силу, чтобы организм принял их. Почаще смотрите в зеркало, старайтесь контролировать свою мимику, и вскоре она станет у вас совершенно естественной, – посоветовал Виталик, пожелал спокойной ночи и распрощался.

Борис Аркадьевич прищурился.

– Я тоже вас оставлю. Привыкайте. Вскоре увидимся. Еды здесь хватает. Беспокоить никто не станет. Не совершайте глупостей. Я приеду за вами через несколько дней.

Спустя четыре дня Илья Прудников, одетый во все новое, сидел с Борисом Аркадьевичем в небольшом московском ресторане. Зал выглядел тихим и уютным. Ненавязчиво звучала музыка, едва слышно журчал фонтанчик в центре зала, и приглушенный свет создавал ощущение покоя и защищенности. Прудников растерянно поглядывал по сторонам, как человек, испытывающий явный дискомфорт. И лишь спустя минут двадцать недавний арестант понял, чего ему не хватает: решеток на окнах, к которым он так привык за время следствия...

– Расслабьтесь и отдыхайте, – добродушно улыбнулся Борис Аркадьевич и протянул меню. – Выбирайте, что нравится.

– Спасибо... Да мне, если честно, после тюремной баланды теперь все равно, – признался Илья.

– Тогда я выберу на свой вкус... А вы пока, чтобы не скучать, посмотрите вот это, – офицер ФСИН положил перед Прудниковым небольшой пакет.

Это был набор документов: паспорт, автомобильные права на имя Ильи Калашникова, а также кредитная карточка, на которой карандашом, так, чтобы можно было стереть, был написан пин-код. Документы выглядели совершенно безукоризненно: печати, подписи, фотоснимки. Причем

снят был Илья именно в своем сегодняшнем виде – с модной, недельной давности щетиной, хотя никто его таким не фотографировал.

– Фотошоп, – небрежно бросил собеседник. – Ну что: грибной жульен, салат из овощей, мясо на углях, паровая осетрина... и водочка, я думаю, подойдет, – проговорил Борис Аркадьевич и добавил: – За документы можете не волноваться, лучше настоящих. На пластике немного денег, так сказать, на карманные расходы. С голоду не умрете, на бензин хватит.

– А если я с этими документами от вас сбегу? – прищурившись, напряженно спросил Прудников.

– Не сбежите, потому что бежать вам некуда, – отмахнулся Борис Аркадьевич. – Близких, как я понял, у вас не осталось... Не считая сестры, которая сейчас с вашим малолетним сыном и женихом живет в одной из стран Евросоюза. Вы ведь не хотите ей неприятностей, правда? И своему сынишке Данику тоже не хотите проблем, как я понимаю. А они обязательно возникнут при неправильном поведении, я это гарантирую. Но даже если вы все-таки попытаетесь сбежать, то через час, максимум через два, вас обязательно обнаружат. Не забывайте, что вы в Москве, а этот город буквально напигован видеокамерами слежения и прочими полезными вещами, которые позволяют вычислить любого. А теперь давайте ближе к делу. Значит, вы, Илья Петрович, мастер спорта международного класса по биатлону.

Даже входили когда-то в олимпийскую сборную России.

– Даже на зимнюю Олимпиаду в Турин в две тысячи шестом должен был поехать, да из-за травмы не получилось, – вздохнул Прудников.

– Но стреляли вы, по-моему, лучше всех в сборной. Вот и прекрасно: завтра отправимся на ваше любимое стрельбище центра по биатлону, потренируетесь с неделку, а потом покажете, на что способны.

– Стрелять – по мишеням? – прищурился Прудников; он уже многое понимал.

– Пока по мишеням, – улыбнулся Борис Аркадьевич.

– А потом?

– А потом – по тем, на кого мы покажем.

Именно это предложение и было сделано Илье в следственном изоляторе, и обстоятельства сложились так, что бывший спортсмен-олимпиец не смог от него отказаться. Прудникову очень не хотелось принимать подобное предложение, однако, приняв его, Илья спасся от неминуемого позора и, возможно, скорой смерти.

Недавний арестант мог только строить предположения, кто стоит за Борисом Аркадьевичем. Но уж, конечно, Илья даже не догадывался, что выбор его будущих жертв, а равно и его судьбу теперь будут определять уголовный авторитет Матвей Сохатый и Антон Голубинский, недавно получивший погоны генерала Федеральной службы исполнения наказаний...

После обеда в ресторане Борис Аркадьевич подвез на своей машине Илью в один из окраинных районов. То, что он, выпив немало водки, сел за руль, его абсолютно не беспокоило. Остановился во дворе между двумя панельными пятиэтажками, указал на миниатюрный внедорожник, припаркованный между другими автомобилями.

– Вот ваша машина. А это ключи от квартиры. Завтра утром я заеду за вами. Направимся на стрельбище. До встречи.

Илья остался стоять один во дворе. Все случившееся казалось ему нереальным. Он, недавний сиделец СИЗО, над которым нависла позорная для любого зека статья, оказался на воле, с деньгами, с квартирой, машиной, с новыми документами. Правда, за все это еще предстояло расплатиться. Судьба бесплатных подарков никогда не делает. Прудников прикинул свои шансы исчезнуть, но, поразмыслив, решил, что не стоит дергаться. В первое время его будут опекать очень плотно. Вот если потом, когда он заслужит доверие... Да и сестру Юлю с Даником нужно как-то обезопасить. С какой стати им за его грехи отдуваться...

Даже не зайдя в подъезд, не посмотрев свою новую квартиру, Илья зашагал к улице. На остановке спросил, как пройти на почту. Оказалось, что это совсем рядом. Отстояв небольшую очередь, Прудников нагнулся к окошку и попросил девушку за стеклом:

– Мне конверт международный и лист бумаги. Карточкой

рассчитаться можно?

Вскоре он уже устроился за стойкой и выводил разболтанной казенной ручкой на листе мелкие печатные буквы. Странное получалось у него письмо. Никогда прежде не приходилось ему писать о себе в третьем лице.

Не зря Борис Аркадьевич упомянул в разговоре с Ильей Прудниковым о том, что у него на этом свете осталась сестра и маленький сын, которые живут в одной из стран Евросоюза. Вроде бы так, мельком бросил он эти слова. Но в ситуации, в которой очутился бывший биатлонист, трактовать их следовало однозначно.

Те, кто стояли за Борисом Аркадьевичем, через него намекали: мы и адресок знаем, и, если понадобится, сможем взять твою сеструху с сынком в оборот. Так что не делай глупостей, не дергайся, исправно выполняй все, что тебе скажут, и будет тебе счастье.

Небольшой городок на две с половиной тысячи жителей в чешских Татрах – место спокойное. Тут все друг друга знают, а на форуме городского сайта самая обсуждаемая на протяжении двух недель новость – кто потерял ключи в местном супермаркете и почему не приходит за ними? Именно тут и нашли себе тихую гавань сестра Ильи Юля с племянником Данькой и ее жених Юра Покровский.

Молодой компьютерный гений Покровский был способен взломать любую электронную защиту, не выходя из дома, подключиться к любой камере наружного наблюдения, внедриться в какую угодно навороченную банковскую систему, взять на свой ноутбук управление городскими светофора-

ми. Но, обладая такими несомненными талантами, он все же решил завязать с уголовным прошлым. Ведь теперь он был не один. От него зависело будущее Юли и маленького Даника, которого он любил, как родного сына. Оказаться в тюрьме, пусть даже комфортной – евросоюзовской, ему не улыбалось. Хватало того, что отец Даньки – Илья угодил в тюрьму российскую. Двое зэков в одной семье – это уже «перебор». Вот и стал Покровский законопослушным жителем тихой Чехии. По контрактам с заказчиками разрабатывал и вел сайты, отвечал за их антивирусную защиту, вычислял злоумышленников, пытавшихся покупать товары в интернет-магазинах по чужим данным.

Конечно, это приносило не так много денег, как ему хотелось бы. В былые лихие хакеровские годы он иногда за один раз срубал столько, сколько капало ему теперь в месяц. Но на жизнь хватало и еще оставалось. Даже дом небольшой купил себе в курортном городке. В современном мире абсолютно неважно, где ты находишься, главное, чтобы твой компьютер был подключен к Интернету.

Покровский сидел на террасе и щелкал клавишами стоявшего на коленях ноутбука. На время пришлось отложить работу. В последние дни стали происходить странные вещи. За его домом явно началась слежка. Сперва Юра решил, что им заинтересовалась чешская полиция, но потом понял – это не так. Вот и сейчас на другой стороне улицы стояла легковая машина. Вчера там была другая, но че-

ловек, сидевший за рулем, оказался прежним. Покровский вывел на монитор изображение с видеокамеры, установленной на фронто́не дома, укрупнил его. Вид мужчина за рулем имел, несомненно, уголовный. Профессия всегда накладывает отпечаток на внешность. Мента и зэка видно сразу, во что их ни одень. Еще одно укрупнение, и на фалангах пальцев стали видны типично зоновские перстни-татуировки.

Мужчина приподнял фотоаппарат и пару раз щелкнул кнопкой, явно снимая сидевшего на качелях Даника. После чего сразу же запустил двигатель и уехал. Покровский прошелся пальцами по клавиатуре, вводя номер машины. Через полминуты он уже входил в полицейскую базу данных. Оказалось, что машина принадлежит фирме по прокату автомобилей. Пройти дальше по цепочке данных не получилось. Рабочий день кончился, и в фирме все компьютеры оказались выключенными, кто именно ее арендовал, можно было бы узнать лишь завтра.

Юля хозяйничала на кухне, готовила ужин. Широкое окно выходило на улицу, за соседним рядом домов виднелись горные вершины, застывший горнолыжный подъемник. Девушка увидела, как по улице едет на велосипеде почтальон и, почти не останавливаясь, рассовывает газеты в почтовые ящики. Последнее письмо от брата Юля получила две недели тому назад и сразу же на него ответила. Так что можно было надеяться, пришла очередная весточка от Ильи.

Прудникова выбежала из дома. Почтальон остановился, поздоровался и протянул заказное письмо. Юля глянула на конверт, отправитель на нем не значился. Ее чешский адрес был аккуратно выведен печатными буквами. Сердце екнуло, непонятное всегда пугает. Ведь, кроме Ильи, ей никто сюда не писал. Если с кем из подруг и общалась, то только по Интернету. Юля рассеянно поставила подпись на квитанции и пошла к дому, на ходу разрывая конверт. Устроившись на кухне у окна, принялась читать. Текста было немного, даже до конца страницы не дотягивал. Все написано от руки печатными буквами.

«Уважаемая Юля. Пишет Вам приятель Ильи, сидевший с ним в одной камере, а теперь вышедший на волю. Адрес Ваш нашел на конверте в его вещах. С прискорбием должен Вам сообщить, что Ваш брат умер в автозаке, когда его везли на следственный...»

Юля почувствовала, как текст расплывается у нее перед глазами. Потекли слезы. Она подняла голову, лишь когда Юра положил руку на ее плечо.

– Ильи больше нет, – сумела выдать она из себя и вновь разревелась.

– Тихо, тихо, а то Даньку напугаешь, – прошептал Покровский и взял письмо.

Он дочитал его до конца. Сосед по камере, оказалось, не только сообщал о смерти Ильи Прудникова. Он писал, что незадолго до этого у них состоялся душевный

и несколько дурацкий разговор. Будто бы Илья высказал свое заветное желание, чтобы после смерти, словно предвидел ее приближение, его кремировали, а пепел бы развеяли с горы на подмосковной тренировочной базе по биатлону.

– Какой следственный эксперимент? – спрашивал у себя Юрка. – Может, на этапе умер? Ведь суд-то уже был.

Юля не слышала его, беззвучно рыдала. Наконец Покровскому удалось немного привести ее в чувство.

– Не надо Данику ничего говорить, – попросила она. – Когда-нибудь потом скажем, когда подрастет. А пока пусть думает, что его отец в тюрьме. Так лучше будет.

Покровский посмотрел в лицо своей невесте. Покрасневшие заплаканные глаза, искривленный душевной болью рот.

– Давай сделаем так, – сказал он, взяв Юлю за плечи. – Ты иди в спальню. А я скажу Данику, что ты плохо себя чувствуешь, легла отдохнуть. К утру сможешь взять себя в руки?

– Постараюсь, – пообещала Юля и тут же спохватилась: – Надо же позвонить, узнать. Ведь это только письмо. Написать можно все, что угодно. Может, он жив?

– Куда ты сейчас позвонишь? Рабочий день закончился. Тем более в Москве. Только утром. Я тебе телефоны нужные отыщу. Иди, ложись.

Юра провел невесту в спальню. Посидел возле нее, задумчиво глядя в окно на Даньку. Ни о чем не подозревавший мальчишка раскачивался на качелях. Он улыбался, подставляя лицо ветру, налетавшему с гор.

За ужином Покровский ничем не выдал случившегося. Потом даже поиграл с Данькой в лото. Перед сном они зашли к Юле. Та сделала вид, что спит, лежала, отвернувшись к окну, старалась дышать ровно. Мальчик поцеловал в затылок тетю, которая заменяла ему мать, и тихо прошептал то, что говорил всегда:

– Спокойной ночи. Я тебя люблю.

Как хотелось в эти мгновения Юле обнять Даника, прижать его к себе и сказать те же простые, так много значившие слова: «Я тоже люблю тебя».

– Идем, только тише, не разбуди, – отводя взгляд в сторону, произнес Покровский.

Утром Юля уже держала себя в руках. Пока Данька не проснулся, она сама позвонила в Москву. Первый же звонок подтвердил изложенное в письме. Во ФСИН ей сказали, что Илья Прудников в самом деле умер от сердечной недостаточности, однако уточнили, что это произошло не во время перевозки. Извещение ей послали телеграммой по российскому адресу. Поскольку никто из родственников тело в положенный срок не востребовал, оно было кремировано. Урну с прахом, если есть такое желание, Юля может получить на руки. Она хранится в крематории. Говорили с ней вежливо, даже извинились, что не смогли вовремя сообщить о смерти брата.

Юле хотелось возразить, что ее чешский адрес можно было посмотреть на конвертах, как это сделал сокамерник бра-

та. Тем самым ее лишили возможности похоронить Илью по-христиански, проститься с ним, но что это теперь могло изменить? К тому же из письма выходило, что Илья и сам хотел, чтобы его тело кремировали, а прах развеяли на подмосковной тренировочной базе по биатлону, словно хотел вернуться в свое прошлое, когда он еще был счастлив и жизнь открывала перед ним радужные перспективы большого спорта.

Обсуждение пришлось отложить – проснулся Даник. Вновь требовалось разыгрывать мир и спокойствие.

– Ты уже поправилась? – поинтересовался мальчишка за завтраком.

– Почти, – улыбнулась Юля, радуясь, что племянник помнит о ее «болезни».

– Ты обещала мне, что сегодня мы с тобой поедem на велосипедах в горы, – напомнил Даник.

– Извини, но я еще не совсем здорова. Поиграй во дворе. Обычно мальчишка спорил с тетей, но тут словно почувствовал, что делать этого не следует, что Юра и Юля должны поговорить наедине, а потому согласился.

– Хорошо.

Вскоре он уже бросал мяч в баскетбольную корзину на лужайке. А взрослые совещались на кухне.

– Я поеду в Москву, – настаивала Юля.

– Одну я тебя не отпущу, – говорил Покровский.

– Почему?

– У меня плохие предчувствия. А они меня никогда не обманывают.

– У тебя же много работы.

– Работу мне все равно где делать. Справлюсь. Или едем все вместе, или никто.

Спорили бы, наверное, еще долго, но тут Юра глянул в окно. Данька стоял и о чем-то говорил через невысокий заборчик с тем самым подозрительным мужчиной. Незнакомец, сооротив ласковое лицо, что-то втолковывал мальчишке. Покровский выбежал из дома. И тут же по-чешски поинтересовался, что ему здесь нужно. Мужчина отпрянул, пробормотал что-то невразумительное и заспешил прочь по улице. Догнать его Юра не смог, тот запрыгнул в машину и уехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.